

И ляжет путь мой через этот город

Рисунки Джакомо Кваренги в ГМИИ

Знаменитого архитектора в юбилейный год Петербурга, который во многом обязан ему своим классическим обликом, представили в камерном, непарадном ракурсе: здесь нет ни фотографий, ни макетов его грандиозных построек – только зарисовки, проекты, чертежи. Зато много простора для фантазии – так что хочется не мешкая помчаться на Ленинградский вокзал и, бросив все дела, хоть на денек отправиться в Питер. А там пройти по следам Кваренги – чтоб отыскать все возведенные им здания, в них – каждую деталь убранства интерьера, а если повезет, то и бытовые предметы, любовно спроектированные зодчим для пространств, рожденных его воображением: каминьы, библиотечные шкафы, канделябры, люстры. Правда, одного дня вряд ли хватит для подобных экскурсий: наследие Кваренги составляют более 40 сооружений в Петербурге и пригородных царских резиденциях. А еще надо бы посетить некрополь мастеров русской культуры в Александро-Невской лавре: туда был перенесен прах из найденной с трудом могилы на Волковом кладбище в 1967 году, когда в Ленинграде, Бергамо и Венеции отмечали 150-летие со дня смерти великого русского зодчего. В российских собраниях хранится более 600 рисунков и чертежей Кваренги. Однако многие из 130 листов, привезенных из Милана и Бергамо – родного города архитектора, раскрывают новые грани его дарования. Эскизы отдельных функциональных предметов одновременно работают на образ интерьера в целом: мэтр тщательно прорисовывает печи и светильники, мебельную фурнитуру и вазы, стремясь гармонизировать в здании все, от великого до малого, и удивляя свободным и комплексным подходом к решению стилистических задач. Законодателем моды в самом монументальном и государственном из искусств Кваренги сделали безупречно-аристократический вкус, врожденное чувство меры и вместе с тем безмерная фантазия.

В целом выставка четко обозначает стиль творчества своего героя – классицизм. Ранний, тонкий, изысканный, будто не знающий границ в богатстве деталей и декоративных мотивов, он еще лишен холодности, строгого ранжира и трезвой рассудочности, какую приобретет в XIX веке.

Родители прочили ему карьеру священника или адвоката, но все же еще подростком отдали в обучение к лучшим художникам Бергамо. Затем был Рим, поразивший юношу мощью руин погибшей цивилизации, и мастерские живописцев: поначалу Кваренги думал исключительно о холстах и красках. Судьбу переломило знакомство «с неким господином Бренна», как вспоминали друзья будущего зодчего. Талант Кваренги был рано замечен коллегами и меценатами, но строить ему не давали. Первая большая работа на родине (перестройка готической церкви в древнем монастыре бенедиктинцев в Субиако) принесла лишь огорчение. Простой и смелый проект обновления интерьера храма ныне называют одним из ранних образцов европейского классицизма, но тогда

монахи решили сэкономить сперва на деталях отделки, а потом и на гонораре архитектора. К тому же Италию той поры захлестнула волна измывавшего позднего барокко, чуждого Кваренги – поклоннику античности. Его даже прозвали «тень Палладио»: великого зодчего Ренессанса молодой архитектор открыл для себя в минуту сомнений. Зато в России палладианские устремления пришлось ко двору. Екатерина Вторая искала хорошего нового архитектора, и выбор ее пал на Кваренги.

Вторая родина дала простор для воплощения новаторских идей и открыла путь на Олимп. Кваренги вошел на него, будто шагая через три ступеньки: поначалу контракт был подписан на три года, затем продлен. «У меня так много-много работы, что я едва нахожу время есть и спать», – напишет тогда другу в Рим заваленный заказами придворный архитектор, который так и останется навсегда в России. Идея пригласить Кваренги, как называли зодчего в России XVIII века, – один из самых удачных арт-проектов Екатерины, вероятно, сопоставимый лишь с основанием Эрмитажа. Только в Питере им возведены Академия наук, «Лоджия Рафаэля» в Зимнем дворце и Эрмитажный театр, Ассоциационный банк на Садовой и Юсуповский дворец на Фонтанке, Конногвардейский манеж, отделан Георгиевский зал Зимнего. Смольный институт Кваренги считал лучшей постройкой всей жизни. Его карандаш коснулся и таких важнейших зданий Москвы, как Странноприимный дом графа Шереметева (нынешний Склиф), Гостиный Двор на Ильинке и Екатерининский дворец в Лесфортове. Лишь один лист на выставке не принадлежит Кваренги – это его гравированный портрет. В лице уже немолодого человека, пережившего череду утрат и разочарований, притягивает по-детски доверчивый взгляд. Архитектор сложился открытым характером и добрым сердцем, недаром в круг его друзей входили лучшие художники эпохи – Паоло Брюлло, Огюст Монферран, Николай Львов, Орест Кипренский, Петр Соколов.

Редкий человек, пишущий о Кваренги, обойдет молчанием карикатурную особенность его внешности – огромный нос: мишень для шаржей, впрочем, довольно беззлобных. Когда на смену Екатерине пришел ее внук Александр I, в детстве часто сидевший на коленях у маэстро, пришло и новое поколение зодчих. Они возводили грандиозные ансамбли – символ имперской мощи, и стареющий архитектор тяжело пережил неудачу с Биржей, заложенной по его проекту еще в 1783 году на стрелке Васильевского острова, но так и не возведенной. Спустя много лет уже построил француз Тома де Томон, с чем связан целый ряд карикатур. Самую известную нарисовали О.Кипренский с А.Орловским: разъяренный толстяк Кваренги с негодованием сжимает в руке миниатюрного соперника, щеголя-француза, восклицая: «Ну и фигурал!»

Елена ТИТАРЕНКО

А.Орловский. «Кваренги на черепахе». Карикатура